

Научная статья
УДК 328
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-29
EDN OKWXLР

Русофобия и декоммунизация как механизмы влияния на позицию России в международных отношениях

Екатерина Викторовна Полежайкина¹, Анна Леонидовна Кривова^{2✉}

¹Старший преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

²Старший преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва.

¹PolezhaikinaEV@rgsu.net, <https://orcid.org/0009-0008-6269-8586>

²KrivovaAL@rgsu.net[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4095-4656>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию исторической динамики и современного проявления русофобии как инструмента влияния на внешнеполитическую позицию России. Анализ начинается с констатации беспрецедентного уровня агрессивной русофобии в западных СМИ, подтверждаемой фактами массовых нарушений прав российских граждан, зафиксированных в докладе МИД России. Однако, авторы статьи отмечают, что современная русофобия – не феномен XXI века, а результат многовековой политики западноевропейских стран, рассматривавших Россию как геополитического соперника. Исторический экскурс прослеживает эволюцию методов противодействия России, подчеркивая неизменность стратегической цели – ослабление российского влияния на мировой арене. Центральное место в исследовании занимает роль США и Великобритании в формировании коллективного западного подхода к России, который распространяется и на государства Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Австралия, Новая Зеландия – по словам С. В. Лаврова). Начало специальной военной операции на Украине рассматривается как катализатор, резко обостривший конфликт, который Запад трактует как противостояние двух цивилизаций: «общерусской» (Россия, Беларусь, Украина) и западной. В статье данный нарратив анализируется в качестве упрощения сложной геополитической ситуации и инструмента идеологического противостояния. Исследователи также обращают внимание на развитие антисоветских, а значит, и антироссийских тенденций в постсоветских республиках с начала XXI века. Этот процесс рассматривается через призму декоммунизации, анализируя ее влияние на формирование негативного восприятия России. В статье затрагиваются вопросы взаимосвязи внутренних социально-экономических факторов и внешнего давления, изучается влияние западных НКО,

© Полежайкина Е. В., Кривова А. Л., 2025

международных организаций и медиаструктур на формирование и распространение русофобских настроений.

Ключевые слова: русофобия; западная Европа; декоммунизация; историческая память; советское прошлое; постсоветское пространство; Россия

Для цитирования: Полежайкина Е. В., Кривова А. Л. Русофобия и декоммунизация как механизмы влияния на позицию России в международных отношениях // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 29–46. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-29>. <https://elibrary.ru/OKWXLP>.

Original article

Russophobia and decommunization as mechanisms of influencing Russia's position in international relations

Ekaterina V. Polezhaikina¹, Anna L. Krivova²

¹Senior lecturer at the department of humanities, faculty of social sciences and mass communications, Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow.

²Senior lecturer at the department of humanities, faculty of social sciences and mass communications, Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow.

¹PolezhaikinaEV@rgsu.net, <https://orcid.org/0009-0008-6269-8586>

²KrivovaAL@rgsu.net, <https://orcid.org/0000-0002-4095-4656>

Abstract. This article studies historical dynamics and modern manifestations of Russophobia as a tool for influencing Russia's foreign policy. The analysis declares an unprecedented level of aggressive Russophobia in the Western media, confirmed by the facts of numerous violations of Russian citizens' rights, recorded in the report of the Russian Foreign Ministry. However, the authors of the article note that modern Russophobia is not a 21st century phenomenon, but the result of centuries-long policies of Western European countries that have regarded Russia as a geopolitical rival. The historical overview traces the evolution of the ways to counter Russia, emphasizing the immutable strategic goal to weaken Russian influence internationally. The study focuses on the role of the United States and Great Britain in shaping a collective Western attitude towards Russia that extends to the countries of the Asia-Pacific region (Japan, Australia, New Zealand – according to Sergey Lavrov). The start of a special military operation in Ukraine is seen as a catalyst that exacerbated the conflict, which the West interprets as a confrontation between two civilizations: the “all-Russian” (Russia, Belarus, Ukraine) and the Western. The article analyzes this narrative as a simplification of a complex geopolitical situation and an instrument of ideological confrontation. The attention is also drawn to anti-Soviet, and therefore anti-Russian, tendencies in the post-Soviet republics at the beginning of the 21st century. The authors consider these tendencies through the prism of decommunization, analyzing their influence on forming a negative perception of Russia. The article touches upon the relationship between internal socio-economic factors and external pressure, and examines the influence of Western NPOs,

international organizations and media structures on shaping and spreading Russophobic attitudes.

Key words: russophobia; western Europe; decommunization; historical memory; soviet past; post-Soviet space; Russian

For citation: Polezhaikina E. V., Krivova A. L. Russophobia and decommunization as mechanisms of influencing Russia's position in international relations. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 29–46. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-29>. <https://elibrary.ru/OKWXLp>.

Введение

В современных международных отношениях Россия сталкивается с рядом вызовов, которые оказывают существенное влияние на ее позицию в мировой политике. Среди этих вызовов особое место занимают русофобия и декоммунизация, выступающие в качестве взаимосвязанных механизмов, формирующих негативный образ страны и создающих препятствия для ее равноправного участия в международных процессах. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена ее возрастающим значением в контексте обострения геополитической конкуренции и усиления информационного противоборства.

Русофобия, как комплекс негативных стереотипов, предрассудков и враждебных установок по отношению к России, ее народу, культуре и политике, имеет давнюю историю, но в последние десятилетия приобрела новые формы и масштабы. Декоммунизация, проявляющаяся в демонтаже памятников советской эпохи, пересмотре исторических событий и одностороннем осуждении советского периода, зачастую служит инструментом дистанцирования

от России и легитимации русофобских настроений.

Методы исследования

Методологическая база исследования предполагает, в первую очередь, анализ документов и официальных источников, включая официальные заявления политических деятелей и представителей государственных органов, законодательные акты, позволяет выявить наличие дискриминационных практик и специфическую риторику, используемую для формирования образа России, и оценить их совокупное влияние на международную арену. Контент-анализ медиапространства, основанный на мониторинге СМИ, позволил выявить распространенность и характер русофобских высказываний, ключевые нарративы и стереотипы, формирующие общественное мнение. Исторический анализ, включающий изучение исторических причин русофобии и сравнительный анализ процессов декоммунизации в различных странах, позволил выявить истоки и эволюцию русофобских настроений, общие тенденции и особенности декоммунизационных практик, а также оценить их влияние на отношения с Россией.

Сравнительный анализ, предполагающий сопоставление отношения к России с отношением к другим странам, а также сравнение образа России в разных странах и регионах мира, позволил идентифицировать наличие двойных стандартов и выявить факторы, влияющие на формирование русофобских настроений.

Результаты исследования

История европейской русофобии берет свое начало с эпохи становления русского государства. Методика подачи материалов в западных СМИ отработана столетиями. Изображать пугающую картину «варварской» России европейцам начали еще в XVI веке. Все это происходило из-за столкновения внешнеполитических интересов России с целями других европейских стран. Фактически в Европе уже в то время началось формирование русофобии. В 2015 году данную тенденцию кратко, но лаконично, описал швейцарский публицист и журналист Ги Меттан. В своей книге «Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса», автор говорил: «Зачем ругать кого-то по пустякам, когда можно во всех грехах обвинить Россию» [Меттан, 2023, с. 45].

Впервые термин «руссофобия» в общественный оборот ввел публицист, дипломат и поэт Федор Тютчев. По его мнению, «возникновение образа России, “чудовища” и “людоеда” <...> в общественном сознании европейцев было обусловлено нашими цивилизационными разли-

чиями» [Цит. по: Ширинянц, 2015, с. 15]. Русский философ Иван Ильин, долгие годы проживший в Европе, показал сущность отношений европейцев к России: «Европейцам нужна дурная Россия: угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать на ее “неиспользованные” пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту “гнилую” Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий “до последней капли ее крови”» [Кургинов, 2024, с. 107].

Одним из первых авторов, представивших для европейского общества образ России, стал дипломат Священной Римской империи Сигизмунд фон Герберштейн. В 1549 году он опубликовал свою работу «Записки о Московии», в которой описывал историю России, культуру, быт, религию, политику и давал свою оценку. Историки считают, что именно данная работа положила начало распространенному ошибочному мнению о русской тирании. Герберштейн лживо выделил в русском политическом устройстве че-

тыре элемента: *первый* – это абсолютная власть князя; *второй* – деспотизм, с помощью которой власть якобы контролировала все, даже имущество своих подданных; *третий* – рабство народа; *четвертый* – псевдобожественность. Таким образом, в «Записках о Московии» четко проводилась линия, что русичи якобы поклонялись князю как богу [Герберштейн, 1988]. Данная пропагандистская работа послужила основой для всех следующих рассказчиков о «страшной» России вплоть до XVIII века. Фактически, Герберштейн создал фундаментальный сборник стереотипов о нашей стране, который стал широко известен европейскому читателю и на который ссылались последующие авторы.

Польша исторически играла значительную роль в формировании и распространении русофобских нарративов в Европе. Этот процесс прослеживается уже с XVI века, примером чему служит деятельность польского короля Сигизмунда II Августа. Во время Ливонской войны, столкнувшись с наступлением русских войск, он активно обращался к европейским правителям с призывами о помощи, изображая русских как «варваров», сравнивая их с готами, гуннами и аланами. Подобная риторика, вероятно, была направлена на формирование негативного образа России в европейском общественном мнении и создание условий для более широкого вовлечения европейских держав в военный конфликт.

XIX век стал периодом обострения русофобии, подпитываемой комплексом геополитических, идеологических и культурных факторов. «Великая игра» – соперничество Британской и Российской империй за влияние в Центральной Азии – сыграла ключевую роль в формировании образа России как экспансионистской державы, угрожающей европейскому порядку.

Свой вклад в развитие русофобии в Европе внесла и Франция. Отношения наших стран на протяжении XIX века складывались весьма не просто. Вслед за колебаниями политического курса менялось и восприятие русских французским обществом. Периоды международной политической напряженности вызывали шквал негативных оценок и раскручивание образа «русского медведя» [Исторические документы..., 2015]. Широко известно завешание Петра Великого, царская фальшивка, которую опубликовали во Франции. В ней прописан якобы петровский план на долгие века с целью установления мирового господства. Кроме того, в псевдодокументе указаны необходимые действия для наследника царского престола. Автор документа не был знатоком внешней политики России, поэтому в тексте целый ряд ошибок и нелепостей. Смешивая правду с вымыслом, автор создал новый стереотип русской опасности, который наложился на другое клише «русское варварство». Любопытно, что данная публикация была сделана в 1812 году, когда

Наполеон вторгся в Россию. Все это создавало нужный фон для военной кампании Парижа. В соответствии со сложившейся во Франции XVIII века традицией восприятия России, русский народ представлялся как «азиатский», дикий и варварский, чуждый цивилизации. Ряд литературных произведений, таких как «Россия в 1839 году» Маркиза де Кюстина, способствовал распространению негативных стереотипов о России и укреплению русофобских настроений [Кюстин, 2008]. Несмотря на все большее сближение и нарастающее взаимодействие между Францией и Россией, русскому народу отказывали в возможности самостоятельного развития, в лучшем случае считали, что он способен воспринимать европейские ценности лишь поверхностно, оставаясь лишь периферией, цивилизационного мира.

После наполеоновских войн в Европе усилились либеральные и националистические идеи, которые противопоставлялись «автократическому» режиму Российской империи. Россия воспринималась как оплот консерватизма и реакционности, угрожающий свободе и демократии Европы.

На протяжении многих веков отношения между Россией и Западом не были однозначно хорошими или плохими. Мы торговали, заключали династические браки с европейцами. Но все это происходило на фоне общей линии недоверия из страха между Российской империей и Европой. А тональность взаимодействия дик-

товала международная повестка. Швейцарский публицист и журналист Ги Меттан в своей книге «Россия и Запад – тысячелетняя война» упрекнул в политике двойных стандартов тех репортеров, которые пишут о России. По его словам, нарушение прав человека в Сомали, Ираке или Афганистане, мир воспринимает как должное. При этом раздувает любой конфликт, связанный с Москвой: «Западные журналисты, непрестанно вспоминая репрессии и гонения русских, почему-то забывают о своем собственном постыдном прошлом. Зато не перестают разоблачать российский экспансионизм, который якобы у русских в крови. Да, конечно, Российская империя росла не за счет продажи черной икры и не благодаря ласковым речам – против фактов не пойдешь. Но разве свист пуль звучал сладкой музыкой в ушах коренного населения Америки, Африки, Австралии?» [Меттан, 2023, с. 97].

Русофобия в период холодной войны приобрела новые измерения, тесно переплетаясь с антисоветизмом и идеологическим противостоянием двух мировых систем. Демонизация СССР стала важной составляющей западной пропаганды, формируя образ враждебного государства, угрожающего свободному миру.

Холодная война была, прежде всего, идеологическим противостоянием между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. СССР воспринимался как главный идеологический противник,

стремящийся к мировой революции и разрушению западного образа жизни.

СССР провозгласили «империей зла». Эта риторика, особенно ярко выраженная в выступлениях президента США Рональда Рейгана, демонизировала СССР, представляя его как источник всех мировых бед и угрозу для демократии и свободы. Западные СМИ и политические деятели активно преувеличивали военную мощь СССР и его агрессивные намерения, создавая атмосферу страха и подозрительности. «Красная угроза» стала постоянным лейтмотивом западной пропаганды.

В западной пропаганде СССР изображался как тоталитарное государство, подавляющее права и свободы своих граждан. ГУЛАГ, репрессии, отсутствие свободы слова и собраний – все это использовалось для создания образа жестокого и бесчеловечного режима. Изоляция стран Восточного блока от Запада, символизируемая «железным занавесом», способствовала формированию образа СССР как закрытого и враждебного мира. Ограничение контактов и информационный вакуум позволяли западной пропаганде беспрепятственно распространять негативные стереотипы. Страх перед коммунистическим проникновением и подрывной деятельностью привел к паранойе и «охоте на ведьм» в западных странах. Подозрения в симпатиях к коммунизму могли стоить человеку карьеры и репутации.

В Голливуде и западной литературе создавались многочисленные произведения, изображавшие СССР как враждебную силу, готовящуюся к мировому господству. Советские граждане представлялись безликими, фанатичными коммунистами, лишёнными индивидуальности. Даже в музыке и искусстве можно было проследить влияние холодной войны и демонизации СССР. Например, некоторые музыкальные произведения отражали страх перед ядерной войной и советской агрессией.

Атмосфера страха и недоверия привела к гонке вооружений между СССР и США, что поставило мир на грань ядерной катастрофы. Холодная война стала причиной многочисленных локальных конфликтов, в которых СССР и США поддерживали противоборствующие стороны. Мир был разделен на два враждебных лагеря, что препятствовало международному сотрудничеству и развитию.

В результате холодной войны образ России, тесно связанный с СССР, был сильно демонизирован в западном сознании. Это наследие продолжает оказывать влияние на восприятие России и в XXI веке, подпитывая русофобские настроения и затрудняя построение доверительных отношений.

После распада СССР в 1991 году и образования независимых государств, 25 млн этнических русских оказались за пределами Российской Федерации. Распад Советского Союза стал для трудового народа страны крупнейшей социально-

политической катастрофой XX века. Большинство коренного населения ликovalo, радовалось своей независимости, надеясь получить даром собственность «оккупантов» [Лобанов, 2023]. На их территориях создаются националистические движения, которые начинают борьбу со всем «советским» [Тюкина, 2019]. Результат этой работы можно наблюдать в отношениях Российской Федерации и постсоветских государств. Борьба с советским режимом в странах Прибалтики проходила по одному и тому же сценарию: в странах создавались движения диссидентов, которые возглавляли антисоветчики и коллаборационисты родом из Латвии, Литвы и Эстонии. После Второй Мировой войны им удалось избежать правосудия путем побега в страны запада (ФРГ, Канаду). Имеющие возможность и желание диссиденты за границей были ценной находкой для правительства США. Начальник 2-го отдела 5-го управления КГБ в 1986–1988 гг. Юрий Кобяков говорил о таких движениях так: «В КГБ никогда не было иллюзий в отношении так называемых народных фронтов, возникавших после провозглашения Горбачевым плюрализма мнений. Изначально было ясно, что они станут официальным прикрытием для сепаратистов, ценнейшим подарком для зарубежных спецслужб и наццентров. В числе их учредителей, идеологов и активистов было значительное число давно известных органам КГБ националистов самого широкого спек-

тра – от умеренных интеллектуалов до радикалов-русофобов» [Кобяков].

В Латвии такой структурой стала националистическая организация – Ястребы Даугавы, которая возглавлялась бывшими офицерами и пособниками СС. В Литве – организация Саюдис. В государствах Прибалтики создавались так называемые «Народные фронты», возглавляемые антисоветчиками и диссидентами. Именно эти народные фронты и станут главными участниками событий 1989–1991 гг., которые по сей день не нашли какой-то объективной оценки. Именно здесь и наблюдается проблема позиции в истории. Наши, уже бывшие силовики и представители спецслужб, говорят о прямом участии западных стран в событиях в Латвии, Литве и Эстонии, что имеет смысл. С другой стороны, Латвийский народный фронт утверждал, что деятельность силовиков на территории Риги неправомерна. Но из исторических репортажей, видно методы так называемого «Рижского Омона». Силовики боролись с нелегальными вооруженными структурами, разоружая перешедшие на сторону народного фронта Латвии оружейные склады. К примеру, 15 января 1991 года Рижский Омон выполнил операцию по захвату здания школы милиции, его разоружения. Захват прошел без жертв. Защищающий конституционный порядок СССР Рижский Омон также препятствовал созданию нелегальных пропускных пунктов и вооруженных формирований на территории Риги до момента

распада СССР [Русанов, 2012]. Для нас Рижский Омон – мало освещенные в обществе герои, но вот для жителей Прибалтики, он и вооруженные силы Советского Союза стали агрессорами.

Опыт Литвы, Латвии и Эстонии демонстрирует характер отношения этих стран к советскому периоду своей истории. Анализ учебных материалов позволяет выявить тенденции в освещении событий, связанных с ролью СССР во Второй мировой войне, в частности, преуменьшение значения подвига советских солдат. Установка памятников представителям формирования СС свидетельствует о неоднозначной интерпретации исторических событий. Отношение властей этих государств к памятникам советским воинам, Дню Победы и советской символике, в целом, характеризуется негативизмом, что отражает стремление к дистанцированию от советского наследия.

Именно в странах Прибалтики возникает категория «неграждан», что является следствием политики, направленной на маргинализацию части населения, не разделяющей идеологию националистических движений. Лица, выразившие несогласие с деятельностью «народных фронтов», подвергаются принудительной ассимиляции, включая обязательное изучение государственных языков и усвоение исторического нарратива, сформированного националистическими группами. Как было отмечено, политические трансфор-

мации в советских и союзных республиках развивались по схожему сценарию. Аналогичные процессы наблюдались и в Польше, где американские спецслужбы активно взаимодействовали с профсоюзом «Солидарность», организовывавшим забастовки в начале 1980-х годов. Введение военного положения председателем Совета министров ПНР было представлено как вынужденная мера, однако, этот шаг способствовал ослаблению контроля центральной власти. Отказ от ввода советских войск на территорию Польши, который поддержал Войцех Ярузельский, в конечном итоге привел к проведению многопартийных президентских выборов в 1990 году.

В современной Польше наблюдается тенденция к пересмотру исторического наследия, связанного с коммунистическим периодом. Закон «О запрете пропаганды коммунизма или иного тоталитарного строя» служит правовой основой для сноса памятников, которые в Польше ассоциируются с советской эпохой, включая некоторые монументы, посвященные участникам Великой Отечественной войны [Польский депутат считает ...]. Это вызывает неоднозначную реакцию в польском обществе: часть населения выступает за сохранение исторической памяти, в то время как другие поддерживают демонтаж. Следует отметить, что в польском общественном сознании сохраняется память о трагических событиях на Волыни. Инцидент с чествованием в канадском парламенте бывшего чле-

на дивизии СС «Галичина» 22 сентября 2023 года вызвал резкую реакцию со стороны официальных властей Варшавы. Министр образования и науки Пшемислав Чарнек потребовал от Канады официальных извинений и экстрадиции данного лица для судебного преследования в Польше, что свидетельствует о принципиальной позиции польского правительства по данному вопросу (*Аплодисменты националисту в парламенте Канады* // TACC. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18854235> (дата обращения: 30.05.2024)).

По литовскому сценарию ущемляли права русскоязычного населения и в Украине. Примерами героизации деятелей, сотрудничавших с нацистским режимом, в Украине являются Роман Шухевич и Степан Бандера. Оценка этих фигур как коллаборационистов не ограничивается только российской историографией. Как было отмечено ранее, в Польше также негативно воспринимается героизация лиц, причастных к преступлениям Второй мировой войны, особенно выходцев из Украины.

Но все не ограничилось историей. С 2000-х годов на Украине начинается процесс вытеснения русского языка со всех сфер жизни: образования, культуры, СМИ. Что интересно, президент В. А. Ющенко в своей предвыборной кампании обещал соблюдение конституционного порядка, который гарантировал использование русского языка наравне с украинским. При избрании от своих обе-

щаний он отказался (*Как на Украине ограничивали использование русского языка* // TACC. URL: <https://tass.ru/info/15358089> (дата обращения: 16.01.2025)).

События 2014 года стали переломным моментом в отношениях России и Украины, ознаменовавшись принятием Верховной Радой законодательных актов, ограничивающих распространение любой информации, которая расценивалась в качестве пропагандистской, включая кинофильмы, телепередачи и печатные издания. Последующие годы характеризовались усилением политики украинизации, распространившейся на все сферы общественной жизни. Параллельно с ограничением использования русского языка проводилась политика «декоммунизации», в рамках которой термин «Великая Отечественная война» был заменен на «Вторая мировая война». Несмотря на декларируемое сохранение символики, связанной с победой в Великой Отечественной войне, наблюдается практика демонтажа памятников, посвященных не только советским политическим деятелям и представителям культуры, но и участникам боевых действий. Одновременно с этим, члены Украинской повстанческой армии (УПА) были законодательно приравнены к ветеранам Великой Отечественной войны, а их деятельность, включая участие в карательных операциях, является объектом публичного восхваления. Кульминацией «декоммунизации» стала кампания по искорене-

нию упоминаний деятелей культуры советского периода и современной России, включая переименование топонимических объектов.

Несмотря на длительный период сосуществования в рамках СССР, в течение которого РСФСР оказывала существенную поддержку союзным республикам в развитии промышленности и энергетики, постсоветские государства демонстрируют тенденцию к диссоциации от своего советского прошлого. Это отражается в современной социально-экономической ситуации: промышленные центры Латвии, Литвы и Эстонии находятся в состоянии упадка, а военно-промышленный комплекс этих стран демонстрирует высокую зависимость от западноевропейских стран и США. Одним из ключевых последствий декоммунизации можно считать возникновение и эскалацию конфликтов в XXI веке. Сюда следует отнести не только специальную военную операцию, рассматриваемую Российской Федерацией как ответ на действия украинских властей, но и приднестровский конфликт, имеющий потенциал к обострению.

Современные взаимоотношения между Россией и странами Восточной Европы характеризуются значительной напряженностью. Наблюдается участие польских граждан в качестве наемников в составе Вооруженных сил Украины, что представляет собой парадоксальную ситуацию, учитывая исторический контекст взаимоотношений поляков и

украинских националистических формирований периода Второй мировой войны. Кроме того, имеет место целенаправленная политика десоветизации, сопровождающаяся принятием законодательных актов, направленных против России. При этом необходимо отметить, что постсоветские республики продолжают использовать инфраструктуру и материальные ресурсы, созданные в советский период, включая промышленные предприятия, вооружение и технику. Переориентация российской внешней политики с западного вектора на восточный связана не только с ухудшением отношений со странами Западной Европы, но и с нарастающими противоречиями со странами Восточной Европы. Перспективы дальнейшего сотрудничества России с данными государствами в настоящее время представляются проблематичными.

Анализ динамики взаимоотношений России со странами постсоветского пространства, расположенными в западном регионе, позволяет констатировать отсутствие устойчивых партнерских связей, не говоря уже о дружественных отношениях [Палухина, 2023]. Геополитические трансформации, последовавшие за распадом Советского Союза, в совокупности с политическим курсом первого президента Российской Федерации, создали благоприятные условия для консолидации националистических движений («народных фронтов») и их интеграции в структуры государственной власти новых

независимых государств. Внутренний конфликт на территории Чеченской Республики, уводя ресурсы и внимание российского руководства, препятствовал своевременной и адекватной реакции на происходящие политические процессы в соседних странах. В настоящее время ряд бывших союзных республик занимает позиции, открыто оппонирующие внешнеполитическому курсу Российской Федерации на международной арене. Декоммунизация, провозглашенная в качестве одной из ключевых политических целей в этих странах, зачастую приобретает формы радикальной русофобии, проявляющейся в демонтаже памятников советской эпохи, переименовании топонимов, ревизии исторических нарративов и дискриминационной политике в отношении русскоязычного населения.

К счастью, не все бывшие республики СССР избрали дорогу Прибалтийских государств, Украины и Польши. Сегодня Россия плотно сотрудничает, с такими странами как Беларусь, Казахстан, Сербия, с непризнанным Приднестровьем, Монголией и Киргизией. Россия из столетия в столетие борется за свою правду, зеркальную и противоположную от того, что пишут в западных СМИ. Правду, которая зачастую неудобна и нежелательна для наших политических оппонентов. Несмотря на попытку демонизации образа нашей страны, мы были есть и будем великим и независимым государством со сво-

ей культурой. В интервью Министра иностранных дел С. В. Лаврова было отмечено: «Невозможно “убить” русскую культуру, кто бы как ни старался. Это делают те, кто сам не отличается культурой поведения, сосуществования в этом мире, кто по-настоящему не представляет свои народы и нации» [Интервью с Министром иностранных дел ...].

Отдельное внимание необходимо уделить санкционной политике, проводимой Западом в отношении России. Аргументы в пользу связи санкций с русофобией строятся на идее, что санкции против России выходят за рамки рациональной политической реакции на ее действия и отражают более глубокое, исторически обусловленное предубеждение.

Критики указывают на то, что масштаб и жесткость санкций против России несоразмерны с тяжестью ее предполагаемых проступков. Они сравнивают реакцию на действия России с реакцией на аналогичные действия других стран, утверждая, что Россия подвергается более суровому осуждению и наказанию. Это может свидетельствовать о предвзятом отношении, основанном на русофобии. Например, вторжение США и их союзников в Ирак, основанное на спорных данных о наличии оружия массового уничтожения, привело к многолетнему конфликту и огромным человеческим жертвам. Несмотря на нарушение международного права

и отсутствие санкции Совета Безопасности ООН, санкции, введенные против США и их союзников, были значительно менее жесткими, чем санкции против России после событий 2014 и 2022 годов – не было отключения от SWIFT, массового изъятия активов и ограничений на торговлю энергоносителями.

Образ России, создаваемый в западных СМИ, часто негативен и стереотипен. В XIX веке нашу страну впервые изобразили как спрута – это визуальная метафора, используемая в политической карикатуре и пропаганде, преимущественно в западных странах, для изображения России как агрессивной и экспансионистской силы. Спрут, с его многочисленными щупальцами, символизирует стремление России к захвату и контролю над другими территориями и государствами. В современных западных СМИ наша страна все чаще стала появляться в старом, хорошо известном мировому сообществу, облике. Любая информация, исходящая из российских государственных источников, автоматически клеймится как «пропаганда», даже если она подтверждается независимыми источниками. Это дискредитирует российскую точку зрения и не дает возможности для объективного диалога. Распространение негативных стереотипов о России и русских, преувеличение угрозы, исходящей от России, и замалчивание позитивных аспектов способствуют формированию враждебно-

го общественного мнения и оправдывают жесткие санкции.

Зачастую риторика, используемая западными политиками и общественными деятелями при обсуждении России, носит откровенно враждебный характер.

Санкции, введенные против России, зачастую имеют косвенные, но ощутимые негативные последствия для гражданского населения:

- ограничения на импорт и падение курса рубля приводят к росту цен на импортные товары, включая лекарства, электронику, продукты питания и одежду, что, в свою очередь, снижает покупательную способность населения и ухудшает уровень жизни особенно для малообеспеченных слоев населения;

- отключение российских банков от системы SWIFT затрудняет международные переводы и оплату товаров и услуг за рубежом. Это создает проблемы для граждан, работающих или обучающихся за границей, а также для тех, кто получает денежные переводы из-за рубежа;

- санкции в отношении образовательных и культурных учреждений ограничивают возможности для международного обмена студентами, учеными и деятелями культуры, что негативно сказывается на развитии науки, образования и культуры в России, а также ограничивает возможности для международного сотрудничества;

– ограничения на выдачу виз и запрет на полеты российских авиакомпаний в некоторые страны затрудняют поездки россиян за границу, в том числе для туризма, работы, лечения и посещения родственников;

– ограничение доступа к международным платежным системам, таким как Visa и Mastercard, создает сложности для россиян при оплате товаров и услуг за рубежом и в онлайн-магазинах. Это особенно актуально для тех, кто путешествует или работает за границей;

– замораживание активов российских компаний и частных лиц за рубежом может привести к финансовым потерям для граждан, которые инвестировали в эти компании или имеют счета в зарубежных банках.

Важно отметить, что сторонники санкций утверждают, что эти меры направлены на изменение политики российского правительства, а не на причинение вреда населению. Однако, на практике, санкции зачастую имеют негативные последствия для обычных граждан, что может способствовать росту социального недовольства.

Западные СМИ и политики часто игнорируют исторический контекст действий России и не принимают во внимание ее обоснования и опасения. Отсутствие желания учитывать альтернативные точки зрения и вести конструктивный диалог может быть связано с глу-

боко укоренившимися русофобскими представлениями.

Заключение

В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что русофобия и декоммунизация выступают взаимосвязанными механизмами, оказывающими существенное влияние на позицию России в системе международных отношений. Русофобия, которая насыщается стереотипами и негативными образами, создает благоприятную почву для дискредитации России на мировой арене и оправдания политических шагов, направленных на ее изоляцию. Декоммунизация, зачастую принимающая форму одностороннего осуждения советского прошлого, не только способствует дистанцированию от России, но и используется для подкрепления русофобских нарративов, представляя современную Россию как наследницу тоталитарного режима.

В работе показано, как эти механизмы, действуя в синергии, влияют на формирование негативного восприятия России в международном сообществе. Русофобия создает отрицательный фон, в то время как декоммунизация предоставляет «историческое обоснование» для критики и враждебных действий. Эта комбинация способствует эскалации напряженности, осложняет дипломатические процессы и создает препятствия для конструктивного диалога.

Следует отметить связь русофобии с введением санкций против России. Русофобские настроения в общественном мнении и политических кругах зачастую используются для легитимации и обоснования экономических санкций, представляя их как «необходимый ответ» на

действия России. Таким образом, русофобия не только формирует негативный образ страны, но и служит инструментом экономического давления, оказывая непосредственное влияние на ее внешнеэкономическую деятельность и международное положение.

Библиографический список

1. Афонин М. В. Гражданская идентичность и ее укрепление в современной России / М. В. Афонин, С. А. Кудрявцев, А. Л. Кривова // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 1(94). С. 156–168. DOI: 10.35775/PSI.2023.94.1.017.
2. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А. И. Малеина А. В. Назаренко; под ред. В. Л. Янина. Москва : Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
3. Гришин О. Е. Российская государственность в доромановский период: некоторые особенности становления и развития / О. Е. Гришин, О. А. Нестерчук, В. А. Глебов, С. И. Попов // Вопросы истории. 2023. № 4-2. С. 110–117. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202304Statyi45. EDN YSIEH.
4. Ильин А. Н. Русофобия в Прибалтике // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 14–46.
5. Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова Российскому обществу «Знание» «на полях» Петербургского международного экономического форума, Санкт-Петербург, 17 июня 2023 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1888902/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000c1f5418aed4c9ede655dab3d64bdc65480f513a727bf3fab83dbd11c94cb146b089df9d4e814300060fa731265aad8abecd887da168d1db9b276b477049d08c41dcd4d5f41cb7b7afea01441ab93ec8effe1f0231a54b71 (дата обращения: 20.01.2024).
6. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015» / [гл. редактор А. К. Сорокин, отв. ред. С. А. Котов]. Москва : Политическая энциклопедия, 2015. 486 с.
7. Кобяков Ю. А. Национализм как инструмент разрушения СССР // Мир новостей. URL: <https://newpressa.pressa.ru/text-reader/161802/article/163787> (дата обращения: 18.01.2025).
8. Крондо Н. Б. Русофобия во внутренней политике государств Балтии / Н. Б. Крондо, Д. С. Дадаян // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2019. № 1. С. 130–140.
9. Куйдин Д. О. Инструменты и механизмы иностранного влияния на внутреннюю политику России в сфере высшего образования и науки / Д. О. Куйдин, Е. В. Полежакина, С. М. Рзаева // Евразийский Союз: вопросы международных от-

ношений. 2025. Т. 13, № 9(62). С. 1770–1774. DOI 10.35775/PSI.2024.62.9.005. EDN BQWCVY.

10. Кургинова Д. Ю. К вопросу о том, что такое русофобия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. №1 (78). С. 104–110.

11. Кюстин А. де. «Россия в 1839 году» с комментариями к книге/ пер. с фран. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф. Санкт-Петербург : Крига, 2008. 704 основной том, 368 комментариев с.

12. Личак Н. А. Механизмы формирования исторической памяти / Н. А. Личак, Л. А. Тюкина // Дом Романовых и Ярославский край. 2019. С. 277–285.

13. Лобанов А. В. История зарождения русофобии на постсоветском пространстве / А. В. Лобанов, А. С. Коваль // Молодежная инициатива. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза : Изд-во Пензенского государственного аграрного университета, 2023. С. 96–100.

14. Меттан Г. Запад–Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Москва : Аст, 2023. 448 с.

15. Палухина Е. С. Политика исторической памяти в странах ЕС: смена парадигмы или банальная фальсификация истории? // Философия права. 2023. № 2(105). С. 181–186. EDN PGYKEM.

16. Русанов С. А. «Черные береты в истории страны». Тюмень : Сити-Пресс, 2012. 224 с.

17. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. Москва : Изд-во Московского университета, 2013. 624 с.

18. Скутина С. Г. Основные направления совершенствования государственной политики по добровольному переселению соотечественников из-за рубежа / С. Г. Скутина, И. В. Герасимова, М. В. Афонин, В. О. Гришин // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14, № 4(109). С. 1332–1339. DOI 10.35775/PSI.2024.109.4.035. EDN ENKBSN.

19. Тюкина Л. А. Историческая память как механизм регулирования воспоминаний общества / Л. А. Тюкина, Н. А. Личак // Карабахские научные чтения. Эпоха Н. А. Некрасова и Н. А. Некрасов в эпохах: XIX–XX–XXI вв. «Вечное», «забытое», «устаревшее» и «современное» в наследии поэта и культуре его времени. Ярославль : ООО «Академия 76», 2019. С. 104–109.

20. Ширинянец А. А. «Внутренняя» русофобия и «Польский вопрос» в России XIX века / А. А. Ширинянец, А. В. Мырикова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, №1. С. 15–27.

21. Lipatti A. Russophobia and the logic of imperialism // The 2017 Hampton Reader: Selected Essays from a Working-class Think Tank. 2019. С. 221.

22. Wahlang J. Russophobia and the west: a study on europe anti Russian sentiments // International Journal of Russian Studies. 2021. Т. 10, №. 2.

Reference list

1. Afonin M. V. Grazhdanskaja identichnost' i ee ukreplenie v sovremennoj Rossii = Civic identity and its strengthening in modern Russia / M. V. Afonin, S. A. Kudrjavcev, A. L. Krivova // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2023. Т. 13, № 1(94). С. 156–168. DOI: 10.35775/PSI.2023.94.1.017.

2. Gerbershtejn S. Zapiski o Moskovii = Notes on Muscovy / per. s nem. A. I. Maleina A. V. Nazarenko; pod red. V. L. Janina. Moskva : Izd-vo MGU, 1988. 430 s.
3. Grishin O. E. Rossijskaja gosudarstvennost' v doromanovskij period: nekotorye osobennosti stanovlenija i razvitiya = Russian statehood in the Pre-Romanov period: some features of its formation and development / O. E. Grishin, O. A. Nesterchuk, V. A. Glebov, S. I. Popov // Voprosy istorii. 2023. № 4-2. S. 110–117. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202304Statyi45. EDN YSIEH
4. Il'in A. N. Rusofobija v Pribaltike = Russophobia in the Baltic States // Gorizonty gumanitarnogo znanija. 2019. № 5. S. 14–46.
5. Interv'ju Ministra inostrannyh del Rossii S. V. Lavrova Rossijskomu obshhestvu «Znanie» «na poljah» Peterburgskogo mezhdunarodnogo jekonomicheskogo foruma, Sankt-Peterburg, 17 ijunja 2023 goda = Interview of the Minister of Foreign Affairs of Russia Sergey Lavrov to the Russian Society Znanie on the sidelines of St. Petersburg International Economic Forum, St. Petersburg, June 17, 2023 // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1888902/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000c1f5418aed4c9ede655dab3d64bdc65480f513a727bf3fab83dbd11c94cb146b089df9d4e814300060fa731265aad8abecd887da168d1db9b276b477049d08c41dcd4d5f41cb7b7afea01441ab93ec8effe1f0231a54b71 (data obrashhenija: 20.01.2024).
6. Istoricheskie dokumenty i aktual'nye problemy arheografii, istochnikovedenija, rossijskoj i vseobshhej istorii novogo i novejšego vremeni. Sbornik materialov Pjatoj mezhdunarodnoj konferencii molodyh uchenyh i specialistov «Clio-2015» = Historical documents and current problems of archeography, source studies, Russian and Global history of modern and contemporary times. Materials of the Fifth International Conference of Young Scientists and Specialists “Clio-2015” / [gl. redaktor A. K. Sorokin, otv. red. S. A. Kotov]. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2015. 486 s.
7. Kobjakov Ju. A. Nacionalizm kak instrument razrushenija SSSR = Nationalism as a tool for destroying the USSR // Mir novostej. URL: <https://newpressa.pressa.ru/text-reader/161802/article/163787> (data obrashhenija: 18.01.2025).
8. Krondo N. B. Rusofobija vo vnutrennej politike gosudarstv Baltii = Russophobia in the home policy of the Baltic States / N. B. Krondo, D. S. Dadajan // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-jekonomicheskogo instituta. 2019. № 1. S. 130–140.
9. Kujdin D. O. Instrumenty i mehanizmy inostrannogo vlijanija na vnutrennjuju politiku Rossii v sfere vysshego obrazovanija i nauki = Tools and mechanisms of foreign influence on Russia's home policy in the field of higher education and science / D. O. Kujdin, E. V. Polezhajkina, S. M. Rzaeva // Evrazijskij Sojuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij. 2025. T. 13, № 9(62). S. 1770–1774. DOI 10.35775/PSI.2024.62.9.005. EDN BQWCYV.
10. Kurginova D. Ju. K voprosu o tom, chto takoe rusofobija = On the question of what Russophobia is // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2024. №1 (78). S. 104–110.
11. Kjustin A. de. “Rossija v 1839 godu” s kommentarijami k knige = “Russia in 1839” with comments to the book / Perevod s francuzskogo O. Grinberg, S. Zenkina, V. Mil'chinox, I. Staf. Sankt-Peterburg : Kriga, 2008. 704 osnovnoj tom, 368 kommentarij s.
12. Lichak N. A. Mehanizmy formirovanija istoricheskoi pamjati = Mechanisms of forming historical memory / N. A. Lichak, L. A. Tjukina // Dom Romanovyh i Jaroslavskij kraj. 2019. S. 277–285.

13. Lobanov A. V. Istorija zarozhdenija rusofobii na postsovetском prostranstve = The history of Russophobia origin in the post-Soviet space / A. V. Lobanov, A. S. Koval' // Molodezhnaja iniciativa. Cbornik statej VII Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Penza : Izd-vo Penzenskogo gosudarstvennogo agramogo universiteta, 2023. S. 96–100.
14. Mettan G. Zapad–Rossija: tysjacheletnjaja vojna. Istorija rusofobii ot Karla Velikogo do ukraïnskogo krizisa = West–Russia: The millennial war. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis. Moskva : Ast, 2023. 448 s.
15. Paluhina E. S. Politika istoričeskoj pamjati v stranah ES: smena paradigm ili banal'naja fal'sifikacija istorii? = The policy of historical memory in the EU countries: a paradigm change or a banal falsification of history? // Filosofija prava. 2023. № 2(105). S. 181–186. EDN PGYKEM.
16. Rusanov S. A. “Černye berety v istorii strany” = “Black berets in the history of the country”. Tjumen' : Siti-Press, 2012. 224 s.
17. Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologija = The Russian issue in the history of politics and thought. The Anthology / pod red. A. Ju. Shutova, A. A. Shirinjanca. Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013. 624 s.
18. Skutina S. G. Osnovnye napravlenija sovershenstvovanija gosudarstvennoj politiki po dobrovol'nomu pereseleniju sootečestvennikov iz-za rubezha = The main directions of improving the state policy on the voluntary relocation of compatriots from abroad / S. G. Skutina, I. V. Gerasimova, M. V. Afonin, V. O. Grishin // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2024. T. 14, № 4(109). S. 1332–1339. DOI 10.35775/PSI.2024.109.4.035. EDN EHKBSN.
19. Tjukina L. A. Istoričeskaja pamjat' kak mehanizm regulirovanija vospominanij obshhestva = Historical memory as a mechanism for regulating memories in society / L. A. Tjukina, N. A. Lichak // Karabihskie nauchnye čtenija. Jepoha N. A. Nekrasova i N. A. Nekrasov v jepohah: XIX-XX-XXI vv. “Vechnoe”, “zabytoe”, “ustarevshee” i “sovrremennoe” v nasledii pojeta i kul'ture ego vremeni. Jaroslavl' : OOO “Akademija 76”, 2019. S. 104–109.
20. Shirinjanc A. A. “Vnutrennjaja” rusofobija i “Pol'skij vopros” v Rossii XIX veka = “Internal” Russophobia and the “Polish Question” in 19th Century Russia / A. A. Shirinjanc, A. V. Myrikova // Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlenčeskoe proektirovanie. 2015. T. 8, №1. S. 15–27.
21. Lipatti A. Russophobia and the logic of imperialism // The 2017 Hampton Reader: Selected Essays from a Working-class Think Tank. 2019. S. 221.
22. Wahlang J. Russophobia and the west: a study on europe anti Russian sentiments // International Journal of Russian Studies. 2021. T. 10, №. 2.

Статья поступила в редакцию 24.06.2025; одобрена после рецензирования 21.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.
The article was submitted on 24.06.2025; approved after reviewing 21.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025